

Ни сети, ни ассамбляжи: одушевляя вещи с Тимом Ингольдом

Рэнсом с удивлением заметил, что не отбрасывает больше тени на песок, словно уже пересек границу внутреннего мира, что носил в уме столько лет. Свет гас, воздух темнел. Пыль стала тусклой и матовой, кристаллы на ее поверхности мертво помутнели. Бесконечная тьма легла на дюны, словно внешний мир перестал существовать.

Немного спустя он уже не заметил, что пошел дождь.

Джеймс Баллард. «Выжженный мир»¹

Денис Шалагинов
(р. 1986) – философ,
переводчик, независи-
мый исследователь.

Более сорока лет назад философ Мишель Серр заявил: «отныне вещь – всего лишь центр отношений, скрещивающихся дорог или переходов»². Сегодня вполне очевидно, что с этим вердиктом согласятся далеко не все. И в первую очередь сторонники философского подхода, известного как объектно-ориентированная онтология (ООО). 20 апреля 2007 года основоположник этого течения Грэм Харман прочитал в Голдсмитском колледже доклад под названием «Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланды», в котором, обратившись к концепциям упомянутых авторов, заявил, что оба вносят вклад в возвращение объектов в центр философии. Под «объектами» Харман понимает любые *реальные сущности*, которые, подвергаясь изменениям или поддерживая множественные представления³, сохраняют тем не менее *индивидуальный интерьер*, не исчерпываемый *отношениями*. В этом свете не удивительно, что возрождение вещей как объектов, коими, согласно Харману, могут быть названы акторы и ассамбляжи, пропитано пафосом борьбы с корреляционизмом – доминирующей в посткантианской философии позицией, в русле которой утверждается взаимная детерминация мышления и бытия, или, в более широком смысле, примат отношения над терминами, которые в него включены. Несмотря на то, что обсуждение (анти)корреляционизма зачастую сводится к проблеме выхода за пределы соотношения человеческого мышле-

1 Баллард Дж. Г. *Выжженный мир* // Он же. *Terra Incognita: Затонувший мир. Выжженный мир. Хрустальный мир*. М.: АСТ, 2017. С. 358.

2 Серр М. *Паразит* // Носорог. 2016–2017. № 5. С. 211.

3 Харман Г. *Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланды* // Логос. 2017. № 3. С. 4.

ния и бытия, то есть к вопросу о путях спекулятивного преодоления антропоцентризма⁴, в пределе речь идет не только и не столько о корреляции мысли и мира, сколько об отношениях вообще. Другими словами, врагом реалистической философии становится реляционизм как таковой. Именно от него Харман и пытается очистить концепции Латура и Деланды, тем самым конвертируя их в вариации на тему объектно-ориентированной онтологии. Критикуя различные формы антиреализма, автор отстаивает так называемый реалистический формализм, в основе которого лежит идея о том, что «формы скручены и сжаты, как пружины, внутри самих вещей» и, таким образом, «мир до краев наполнен призрачными сущностями, входящими в сети и ассамбляжи»⁵. Однако спекуляции на тему мира, переполненного призраками, не снимают вопроса о том, сводимы ли вещи к объектам. Иными словами, превращение акторов и ассамбляжей в «арену битв первой философии» еще не является достаточным условием для возрождения вещей, поскольку вопросы о том, *что и как* должно возродиться, отнюдь не предполагают однозначных ответов.

В том же 2007 году вышла книга Тима Ингольда «Линии: краткая история», в которой британский антрополог определил вещь как сплетение негеометрических линий, то есть путей роста и движения; иначе говоря, так понятая вещь представляет собой «парламент линий»⁶. Уже из этой дефиниции можно заключить, что для Ингольда вещь – это вовсе не объект, так как последний есть не что иное, как вырванный из отношений и тем самым обездвиженный *фрагмент* мира. Позиция антрополога состоит в том, что мир, *собранный* из таких фрагментов, не может быть обитаемым; а значит, развиваемая им экологическая мысль требует онтологии *мира без объектов*. Любопытно при этом, что Ингольд, подобно Харману, во многом следует феноменологической традиции, однако приходит к (почти) противоположным выводам. В то время как Харман стремится изъять вещи из отношений, тем самым избегая переключения на «процесс, поток, генезис, динамизм или протекание», предельная цель антрополога, напротив, заключается в том, чтобы погрузить вещи в потоки становления: позволить им свободно «протекать». Американский философ очень высоко оценивает теории Латура и Деланды⁷, тогда как Ингольд в свою очередь подвергает критике как того, так и другого, от-

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ

НИ СЕТИ, НИ АССАМБЛЯЖИ:
ОДУШЕВЛЯЯ ВЕЩИ
С ТИМОМ ИНГОЛЬДОМ

4 См., например: ШАВИРО С. *Вселенная вещей* // Логос. 2017. № 3. С. 136, 142, 146.

5 ХАРМАН Г. *Сети и ассамбляжи...* С. 7.

6 INGOLD T. *Lines: A Brief History*. London: Routledge, 2007. P. 5.

7 Им посвящены отдельные работы. См.: ХАРМАН Г. *Государь сетей: Бруно Латур и метафизика* // Логос. 2014. № 4. С. 229–248; ХАРМАН Г. *DeLanda's Ontology: Assemblage and Realism* // *Continental Philosophy Review*. 2008. № 41. P. 367–383. См. также: DELANDA M., HARMAN G. *The Rise of Realism*. Cambridge: Polity Press, 2017.

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ

НИ СЕТИ, НИ АССАМБЛЯЖИ:
ОДУШЕВЛЯ ВЕЩИ
С ТИМОМ ИНГОЛЬДОМ

стаивая позицию, которую можно было бы представить в виде негативной формулы: *ни сети, ни ассамбляжи*. Вполне предсказуемо возникает вопрос: тогда *что?* Ответ на него, как явствует из вышесказанного, кроется в специфической трактовке вещи, которую я и хочу рассмотреть в этой статье, – трактовке, строго реляционной. Таким образом, если для Хармана сети и ассамбляжи недостаточно «объектны», то для Ингольда они, напротив, слишком статичны, вырваны из жизненного переплетения путей. Ниже я разберу обе стороны этого спора и продемонстрирую, что конфликт между объектно-ориентированной и линеалогической⁸ интерпретациями вещей уходит корнями в расходящиеся трактовки *глубины*. Если в первом случае глубинна сама индивидуальная сущность (реальный объект, или нулевое лицо), то во втором случае – генеративное поле виртуальностей, предшествующее индивидуальным «поверхностным» формам. Дабы подтвердить этот тезис, я начну с рассмотрения позиции Хармана, затем сопоставлю его подход с концепцией Ингольда и в заключение, фокусируясь на ее размежевании с теориями сетей и ассамбляжей, раскрою связь указанного позиционного конфликта с предложенным в работах Ингольда наброском анимистической онтологии.

МИР СТРАННЫХ ОБЪЕКТОВ

Применяя хармановский метод изложения чужих философий к его собственной онтологии, попробуем резюмировать ее в одном параграфе⁹. Ключом к пониманию его реализма мог бы послужить концепт странности, который отсылает к основополагающему зазору между реальностью и ее поверхностными проявлениями. В этом смысле хармановский реализм – трактуемый как позиция, не сковывающая себя ни рамками здравого смысла, ни естественнонаучными данными, – сам по себе оказывается странным, поскольку объекты, на которые он ориентирован, сущностно изъяты. Что под этим подразумевается? Ответ отсылает к базовому решению объектно-ориентированной онтологии, а именно – двойной поляризации, которая «расчетверяет» мир: если первая ось задана противоположностью реального и чувственного, то вторая – оппозицией объектов и их качеств. В итоге мы имеем «затемненный» мир, где объекты прячутся за своими репрезентациями, или чувственными «карикатурами». Этот онтологический расклад восходит к не-

8 Ингольд называет свой проект «линеалогией», то есть исследованием линий, которое выходит за пределы домена геометрии, обращаясь к изучению таких практик, как прогулка, плетение, рисование, письмо и так далее. См.: INGOLD T. *The Life of Lines*. London: Routledge, 2015. P. 53–54.

9 См.: ХАРМАН Г. *Сети и ассамбляжи...* С. 22.

стандартной интерпретации хайдеггерианской философии, которую, как утверждает Харман, можно свести к противоположности между сокрытостью вещей и их наличностью. Согласно доминирующему истолкованию пары подручного и наличного, вещи всегда уже вплетены в систему практических задач – критика этого тезиса и становится отправной точкой спекулятивного маршрута 000, ведь, по словам Хармана, «практика не больше, чем теория, достигает реальности объекта», тем самым оставаясь «на стороне поверхности вещей, которая не отражает глубины их реальности»¹⁰. Переосмысляя знаменитый пример Хайдеггера с молотком, который при поломке выходит из реляционной сети и становится изолированным наличным объектом, Харман постулирует, что условием самой поломки выступает «упрямый избыток», скрытый по ту сторону всякой функциональности. Таким образом, философ, по сути, *инвертирует* позицию Хайдеггера, для которого первичное бытие инструмента есть бытие в отношении. И здесь Харман обращается за помощью к Канту, распространяя его идеи о ноуменах и конечности человеческого восприятия на все сущности без исключения:

«Для 000 проблема Канта не в том, что, поместив вещь в себе за пределы любого доступа, он обрек нас на конечное незнание, а в том, что он ограничил эту вещь в себе человеческим опытом. С точки зрения 000, вещь в себе это не остаток, ускользающий исключительно от бедных и конечных человеческих существ, а сам объект в его отличии от *любого* отношения, в которое он вступает. [...] Когда градины ударяются о деревенские крыши, они сталкиваются с *феноменальными* крышами, а не с крышами-в-себе, являющимися постоянным избытком по ту сторону любого отношения с чем-либо»¹¹.

Исходя из этого объекты нельзя свести к отношениям, поскольку «отношения сами по себе всегда являются *переводящей* силой», которая, с точки зрения Хармана, не способна ухватить сущностное ядро, субстанциальную форму вещи¹². Вопреки довольствующимся «карикатурными» переводами реляционистам 000 утверждает, что эта форма первична и «может существовать *только в одном месте*», то есть «не может быть перемещена [...] не будучи переведенной»¹³. Следуя этому пути, мы вынуждены заменить различие мысли и бытия разрывом между объектами и отношениями. Этот шаг в свою

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ

НИ СЕТИ, НИ АССАМБЛЯЖИ:
ОДУШЕВЛЯЯ ВЕЩИ
С ТИМОМ ИНГОЛЬДОМ

10 Он же. *Спекулятивный реализм: введение*. М.: РИПОЛ классик, 2019. С. 172–173 (курсив мой. – Д.Ш.).

11 Там же. С. 201–202.

12 HARMAN G. *Zero-Person and the Psyche* // SKRBINA D. (Ed.). *Mind That Abides: Panpsychism in the New Millennium*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2009. P. 259.

13 ХАРМАН Г. *Спекулятивный реализм*. С. 190 (курсив мой. – Д.Ш.).

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ

НИ СЕТИ, НИ АССАМБЛЯЖИ:
ОДУШЕВЛЯ ВЕЩИ
С ТИМОМ ИНГОЛЬДОМ

очередь приводит к упомянутой выше модели мира, сформированного недоступными реальными объектами, которые обладают реальными и чувственными качествами, и доступными чувственными объектами, наделенными реальными и чувственными качествами¹⁴. При этом компоненты такого мира не способны сообщаться непосредственно, из чего вытекает необходимость разработки так называемой замещающей причинности, призванной описать «встречу» двух объектов внутри третьего. По словам Хармана, «подобно тому, как два чувственных объекта контактируют только через реальный объект, два реальных объекта контактируют только через чувственный», а стало быть, «отношение между двумя реальными объектами возможно только в форме прикосновения без прикосновения»¹⁵. Это (не)прикосновение, или «вмещение», как раз и выступает третьим, «составным», объектом. Таким образом, углубляя подручное через ноуменальное и очищая используемые философские композиты от антропоцентрических обертонов в пользу максимальной инклюзивности, Харман прокладывает маршрут к *отдельным* вещам в их *реальности*. Но каков критерий такой реальности? Ответом, как несложно догадаться, выступает упомянутый вначале *интерьер*, несоизмеримый с какими бы то ни было дескрипциями или перечислениями *внешних* характеристик объекта. Более того, такой интерьер, по сути, не укладывается в термины первого или третьего лица, отсюда – предлагаемая в ООО идея нулевого лица, которое отсылает к сущности или внутренней природе вещи за пределами всякого возможного (то есть чувственного) доступа. В результате мы получаем «странный» космос, собранный из «черных дыр», а всякая такая «дыра», то есть *сам* объект, представляет собой не что иное, как скрывающий свой глубинный интерьер «контейнер»¹⁶.

МИР БЕЗ ОБЪЕКТОВ

Метафора контейнера идеально подходит для прояснения логики, исходя из которой поле вовлеченности вещи в мир преобразуется во внутреннюю схему или строительный план, в результате чего те или иные характеристики вещи рассматриваются как поверхностные выражения некой внутренней архитектуры. Иллюстрацией подобного подхода могло бы послужить соотношение организма и его генотипа. Так, организм якобы реализует заранее установленную в нем генетическую

¹⁴ Он же. *Weird-реализм: Лавкрафт и философия*. Пермь: Hyle Press, 2020. С. 15–16.

¹⁵ Он же. *Спекулятивный реализм*. С. 199, 204.

¹⁶ См.: HARMAN G. *Zero-Person and the Psyche*. P. 278.

программу исходя из условий некоей среды, а стало быть, его единичная жизненная траектория понимается как сугубо реактивная, поскольку низводится до эффекта внедрения предсуществующей формы в пассивную материальную субстанцию. В самом сердце такого ДНК-гилеморфизма осуществляется то, что Ингольд называет «*инверсией*» – операцией, в ходе которой линии движения превращаются в границы содержания. В результате чего пучок жизненных нитей оказывается контейнером, который *вмещает* жизнь, *отделяя* организм от мира; и, как следствие, вещи замыкаются *в себе*¹⁷. В этом смысле образ контейнера наряду с метафорами строительного блока и цепи является эмблематическим для онтологии, которая мыслит мир, собираемый из заранее заготовленных фрагментов, или «атомов». Дабы подорвать господство такого «атомизма», Ингольд вводит целый ряд альтернативных образов, одним из которых является *узел*.

Описывать обитаемый космос в терминах переплетений и узлов – так можно было бы сформулировать философскую задачу линеалогии. Базовая гипотеза проекта состоит в том, что в мире непрерывного возникновения и становления вещей завязывание узлов является ключевой синтетической операцией, позволяющей формам держаться вместе, не впадая в состояние бесформенного потока. В отличие от контейнера, узел предполагает акцент на *формировании*, то есть *движении во-вне*, а не на заданной раз и навсегда внутренней форме. Более того, в динамической логике узла отделение внутреннего от внешнего оказывается невозможным. В то время как контейнер определяется границей между интерьером и экстерьером, узел запутывает саму эту оппозицию, препятствуя локализации ее терминов. Вместо интерьера «здесь» и экстерьера «там» мы имеем дело с переплетающимися нитями и промежутками между ними. Таким образом, поверхности узла «не огораживают, а лежат “*между линиями*” материалов, из которых состоят»¹⁸. Иными словами, в переплетении как бы происходят непрерывные перетекания между внутренним и внешним, при этом нити, не теряя сингулярности, формируют пластичную «архитектуру» космоса. Таким образом, объяснение мира в терминах сплетающихся узлов кардинально отличается от того, с чем мы имеем дело в рамках ООО. По сути, тезис Хармана о том, что внутренних отношений между отдельными вещами не существует¹⁹, в ареале линеалогии подвергается двойному

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ

НИ СЕТИ, НИ АССАМБЛЯЖИ:
ОДУШЕВЛЯЯ ВЕЩИ
С ТИМОМ ИНГОЛЬДОМ

17 См.: INGOLD T. *Rethinking the Animate, Reanimating Thought* // ИДЕМ. *Being Alive. Essays on Movement, Knowledge and Description*. London; New York: Routledge, 2011. P. 68; ИДЕМ. *The Life of Lines*. P. 41, 53, 74; Ингольд Т. *Культура, природа, среда: на пути к экологии жизни* // Стадис. 2019. № 1. С. 109–110.

18 INGOLD T. *The Life of Lines*. P. 15.

19 ХАРМАН Г. *Сети и ассамбляжи...* С. 10–11.

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ

НИ СЕТИ, НИ АССАМБЛЯЖИ:
ОДУШЕВЛЯ ВЕЩИ
С ТИМОМ ИНГОЛЬДОМ

переворачиванию: во-первых, здесь не существует отдельных вещей, и, во-вторых, все отношения в каком-то смысле являются внутренними. Но разве это не противоречит тому, что было сказано о подрыве оппозиции интерьера и экстерьера? Дело в том, что онтология Ингольда описывает именно запутывание, вихреобразное кружение этих двух полюсов, их смешение и взаимопроникновение. Обитаемый мир состоит не из устойчивых композитов, а из турбулентных линий брожения, каждая из которых отвечает, или «соответствует», всякой другой, формируя своеобразный космогонический круговорот. Согласно Ингольду, принцип соответствия, или отзывчивости, лежит в основе жизни, в том числе социальной, поскольку сплетающие ее линии – не замкнутые сущности, а разомкнутые траектории, свивающиеся друг с другом, как веревочные нити. В динамике переплетения таких нитей как раз и кроется ответ на вопрос об интериорности любых отношений. Они являются внутренними в том смысле, что вещи «встречаются не лицом к лицу, снаружи, а в самой глубине узла», соединяясь не впритык, а посередине, поскольку узлы находятся *посреди* вещей²⁰. Иными словами, образ узла мобилизуется Ингольдом прежде всего для описания альтернативного типа связывания, такого, которое осуществляется не в аддитивной логике конъюнкции (и.., и.., и...), а через соответствие и симпатию (с.., с...), действующее *изнутри* вещей, обеспечивая дифференциацию узлов, то есть их взаимное формирование.

Обитаемый мир состоит не из устойчивых композитов, а из турбулентных линий брожения, каждая из которых отвечает всякой другой, формируя своеобразный космогонический круговорот. Принцип отзывчивости лежит в основе жизни, в том числе социальной, поскольку сплетающие ее линии – не замкнутые сущности, а разомкнутые траектории, свивающиеся друг с другом, как веревочные нити.

Важное следствие подхода к осмыслению вещей в терминах узлов и соответствий, то есть их рассмотрения с точки зрения генезиса, состоит в наделении так понятых вещей историчностью. Если Харман утверждает, что «реальные вещи забывают большую часть своих историй», что якобы делает сам генезис

20 INGOLD T. *The Life of Lines*. P. 22 (курсив мой. – Д.Ш.).

избыточным, то, с точки зрения Ингольда, память, напротив, проникает в сам материал вещи, в скручивания и сгибы составляющих ее волокон²¹. Принимая это во внимание, следует заключить, что ОО доводит до предела логику, которую Ингольд описывает при помощи образа капли. Что здесь имеется в виду? В самом начале книги «Жизнь линий» Ингольд утверждает, что большинство жизненных форм можно описать в виде комбинаций капли и линии. В то время как капли обладают объемом, массой, плотностью, и в этом смысле они дают нам материалы, в линиях ничего подобного нет. Но тогда что в них есть? По Ингольду, как раз то, чего в свою очередь нет у капель, а именно – скручивание, сгибание и живость. Иными словами, линии дают нам жизнь, которая, по словам антрополога, «началась тогда, когда стали появляться линии, ускользающие от монополии капель»²². Прибегая к делёзианской терминологической паре, он добавляет: если капля утверждает принцип территориализации, то линия – принцип детерриториализации. Таким образом, капля – обездвиженная вещь. В этом смысле ОО предъясвляет нам мир вещей, расставленных по своим местам, где под «местом» имеется в виду как раз «первая неподвижная граница объемлющего тела»²³. Иначе говоря, принятие аристотелевского соматизма²⁴ приводит к онтологии (сверх)территориализованных вещей, ведь, как мы помним, реальная форма в ОО может существовать лишь в одном месте. А значит, конечным продуктом прославляемого Харманом возрождения вещей оказываются и вправду странные – *немертвые* – вещи, если принять во внимание, что «первое же теоретическое движение, которое откладывает вещи в сторону, дабы сфокусироваться на их “объектности”, отрезает вещи от потоков, которые их оживляют»; то есть реанимация изъятых вещей, «низведенных до статуса объектов», парадоксальным образом возвращает их к жизни «уже умерщвленными»²⁵.

Таким образом, философия Хармана и его последователей «представляет нам призрак мира», где «все, что когда-либо жило, дышало или двигалось, ушло глубоко в себя» и, рассыпавшись на «непроницаемые куски», пребывает вне времени, в полной инертности; это не что иное, как «ископаемая вселенная»²⁶. Именно так Ингольд охарактеризовал ОО, акцентиро-

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ

НИ СЕТИ, НИ АССАМБЛЯЖИ:
ОДУШЕВЛЯЯ ВЕЩИ
С ТИМОМ ИНГОЛЬДОМ

21 ХАРМАН Г. *Сети и ассамбляжи...* С. 13; INGOLD T. *The Life of Lines*. P. 25.

22 Ibid. P. 3–4.

23 АРИСТОТЕЛЬ. *Физика* // Он же. *Сочинения: В 4 т.* М.: Мысль, 1981. Т. 3. С. 132.

24 Под «соматизмом» понимается восходящее к Аристотелю и Канту учение о физике как физике тел; таким образом, соматизм есть философская позиция, кладущая тела (формы) в основание природы. См.: GRANT I. H. *Philosophies of Nature after Schelling*. New York; London: Continuum, 2006. P. 8.

25 См. опубликованную в этом номере «НЗ» статью Тима Ингольда «Погружая вещи в жизнь: творческие переплетения в мире материалов».

26 INGOLD T. *The Life of Lines*. P. 16.

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ

НИ СЕТИ, НИ АССАМБЛЯЖИ:
ОДУШЕВЛЯЯ ВЕЩИ
С ТИМОМ ИНГОЛЬДОМ

вав внимание на том, что в таком мире безвременья абсолютно ничего не может происходить. Так ли это? Давайте посмотрим. В одном из параграфов книги «Четвероякий объект» с говорящим названием «Темпоральность без времени» Харман пишет, что мы не должны быть обмануты словом «время», которое фигурирует в заглавии ключевой работы Хайдеггера, ведь «Хайдеггер не Бергсон и не Делёз», он скорее близок окказионализму, изолирующему один момент от другого. В мире Хайдеггера, пропущенного через фильтр 000, время будет сведено к набору четырех букв с дефисом между ними: ЧО-ЧК, то есть проживаемое время, трактуемое как связка *чувственного объекта* и *чувственного качества*. Эта комбинаторика превращает момент времени в некий аналог хармановского объекта – своего рода темпоральную «черную дыру»; в результате изолированный момент становится «таким неоднозначным и увлекательным, как никогда ранее», ведь теперь «мы можем представить, что движение времени полностью заморожено колдуньей, волшебником; [...] теперь время перестает течь и остается застывшим в едином моменте»²⁷. Другими словами, вся суть этого волшебства в том, чтобы редуцировать вещи к бытию, отделив их от становления. Образно выражаясь: очистить капли от линий. Но тогда, как справедливо замечает Ингольд, столь любимый Харманом пример с крышей и каплями дождя теряет всякий смысл, ведь в мире безвременья дождь, который представляет собой не что иное, как падение капель, становится попросту невозможен; иначе говоря, дождь есть *процесс*: скорее глагол, нежели субстантив²⁸. Впрочем, при ближайшем рассмотрении выясняется, что в мире объектов в принципе невозможны метеорологические феномены: можно ли, скажем, описать потоки ветра в терминах 000?

Таким образом, акцент на бытии вещи чреват ее превращением в неподвижную форму, запертую в глубинном внутреннем пространстве. Критикуя подобную «ноуменализацию», Ингольд полемически заявляет, что «мир вещей – это мир узлов, *мир без объектов*»²⁹. Материал *мира без объектов* – линии брожения, протекания, смещения. Все, что не упаковано в оболочку места. Возвращаясь к Аристотелю, заметим, что место всего лишь «*кажется* какой-то поверхностью, как бы сосудом и объемлющим телом»³⁰. В пределе, как показывает Ингольд, линии жизни обитателей *мира без объектов* подрывают такой «порядок мест» изнутри:

27 Харман Г. *Четвероякий объект: метафизика вещей после Хайдеггера*. Пермь: Hyle Press, 2015. С. 63.

28 INGOLD T. *The Life of Lines*. P. 16–17.

29 Ibid. P. 16.

30 АРИСТОТЕЛЬ. *Указ. соч.* С. 132 (курсив мой. – Д.Ш.).

«Непрерывно расплзающиеся линии [...] исследуют каждую трещину или расщелину, которые потенциально могли бы открыть дорогу росту и движению. Жизнь не сдержат – скорее она проложит свой путь сквозь мир вдоль мириад линий своих отношений. Но, если жизнь не замкнута в границах, ее нельзя и окружить. [...] Для обитателей [...] окружающая среда состоит не в окружении ограниченного места, а в зоне, где несколько их путей основательно переплетены. В этой зоне сплетения – мешанине спутанных линий – нет ни внутреннего ни внешнего, лишь отверстия и проходы»³¹.

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ

НИ СЕТИ, НИ АССАМБЛЯЖИ:
ОДУШЕВЛЯЯ ВЕЩИ
С ТИМОМ ИНГОЛЬДОМ

Место кажется поверхностью, отделяющей интерьер от экстерьера, но, как пишет Мишель де Серто, «чужой всегда уже присутствует внутри границ», а значит, «все происходит так, как если бы само разграничение было мостом, открывающим внутреннее его другому»³². Следуя де Серто, мы могли бы сказать, что, если *мир без объектов* сплетен из движений, его характер не может определяться порядком мест, а связан скорее с фигуративными деформациями и отклонениями, то есть является не топическим, а топологическим. Исходя из этого само место есть не что иное, как складка, а его поверхность, с линеалогической точки зрения, возникает через преобразование жизненных нитей в следы и растворяется благодаря трансформации следов в нити³³. Формирующиеся таким образом поверхности являются скорее пористыми, нежели непрозрачными: последние преобладают в застроенной среде, где инжиниринг твердости³⁴ силится сдержать проходящий сквозь поверхности круговорот материалов. В этом смысле облицовка земли асфальтом раскрывает глубинный импульс модерна к отмене времени. По-своему любопытно, что Харман считает главной задачей актуальной мысли преодоление модернизма в философии, ведь его собственная онтология есть предельное выражение желания модерна построить мир, который соответствовал бы современным ожиданиям: «мир дискретных, упорядоченных объектов»³⁵. При этом отказ от времени оказывается чем-то вроде зеркального отражения ликвидации погоды в мире 000 – по крайней мере если вслед за Ингольдом допустить, что сама погода есть не что иное, как неисторическое и неупорядоченное время, то есть время, проживаемое не в качестве ряда событий, а как взаимная настройка внимания и реакции на ритмические отношения в мире вещей и атмосфер-

31 INGOLD T. *Lines: A Brief History*. P. 103.

32 СЕРТО М. ДЕ. *Изобретение повседневности. Искусство делать*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 234.

33 См.: INGOLD T. *Lines: A Brief History*. P. 52, 61.

34 Об инжиниринге твердых поверхностей см.: ИДЕМ. *The Life of Lines*. P. 44–45.

35 См. опубликованную в этом номере «НЗ» статью Тима Ингольда «Погружая вещи в жизнь: творческие переплетения в мире материалов».

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ

НИ СЕТИ, НИ АССАМБЛЯЖИ:
ОДУШЕВЛЯ ВЕЩИ
С ТИМОМ ИНГОЛЬДОМ

ных явлений³⁶. Если исходить из этой (метеорологической) перспективы, существование объектов и вправду становится проблематичным, ведь под воздействием стихийных сил земли и неба поверхности, сосуды и объемлющие тела разрушаются и перекраиваются, позволяя вещам протекать.

Из глубины: земля и небо

Как считает Стивен Шавиро, у мира вещей «более глубокая реальность»³⁷. Вопрос, однако, в том, что это за глубина. В начале статьи я сказал, что если в случае 000 глубинна сама индивидуальная форма, то *в мире без объектов* – реляционное поле, формы порождающее. Я показал, что реальность вещи как объекта есть ее скрытый интерьер, но какова реальность вещи в безобъектном мире, то есть вещи как узла в реляционном поле? Вещи здесь не заключены в индивидуальных «0-личных» камерах, а вытекают из глубин земли, чтобы смешаться с атмосферными потоками неба. Но что здесь понимается под землей и что – под небом? Начнем с земли. Прежде всего земля – это *не* тело, и в этом смысле могло бы показаться, что Ингольд следует за Эдмундом Гуссерлем, но это впечатление обманчиво. В известном тексте о земле как Перво-Ковчеге немецкий философ утверждает, что земля как целое – это неподвижная основа, при этом каждый отделяемый от нее «кусочек» есть тело, тогда как сама она телом не является³⁸. В линеалогии, однако, земля не статичный фундамент и не целое. Причем вещи не могут быть от нее отделены. Иными словами, здесь нет никаких «кусочков». Такой взгляд на вещи как отдельные тела куда ближе Харману, с той оговоркой, что в данном случае земля – это не просто объект, а своего рода «перво-контейнер». По Ингольду, смысл земли совсем другой. Земля не стоит на месте, как, впрочем, и место не стоит на земле, но если попытаться помыслить саму землю как место, то оно окажется чем-то вроде лабиринта: многоскладчатой мультилинейной матрицей. Иллюстрацией этой мысли могут послужить обсуждаемые Ингольдом модели небоскреба и горы. Возвышаясь над землей, небоскреб воплощает абстрактный геометрический принцип чистой вертикали, неотделимый от полагания горизонтали; то и другое можно перевести в термины базиса и надстройки: условие строительства здания – это устойчивый фундамент, на котором оно возводится.

36 О погоде как нехронологическом проживаемом времени (времени чистой флуктуации) см.: ИДЕМ. *The Life of Lines*. P. 68–71.

37 Шавиро С. Указ. соч. С. 132.

38 См.: ГУССЕРЛЬ Э. *Коперниканский переворот коперниканского переворота. Перво-Ковчег Земля* // Ежегодник по феноменологической философии 2009/2010. М.: РГГУ, 2010. С. 356.

Но в случае горы этот подход начинает сбивать. Так, если здания строятся из «препарированных» материалов, то горы вырастают из тектонических движений земной коры: «всякая гора есть складка в земле, а не сооружение, расположенное на ней»³⁹. Далее, если в модели небоскреба блоки опускаются вниз, то в случае горы земные материалы устремляются вверх. Из-за вулканической активности земля набухает и вздымается, то есть гора вызревает из глубин земли, оставаясь землей⁴⁰. В этом смысле вещь попросту не может быть отделяемым от основания «куском» – она скорее сродни вулкану, который не только отсылает к скрытым глубинам, но также извергается⁴¹. Иначе говоря, вещи скорее взмывают ввысь, чем остаются запертыми в индивидуальных усыпальницах глубоко под землей⁴².

Таким образом, земля не является ни строительной площадкой, ни косным субстратом, ни множественностью индивидуальных гробниц. По Ингольду, «сплетаемая, как гобелен, из жизней ее обитателей», она представляет собой гигантский клубок перепутанных троп, вдоль которых эти обитатели движутся и растут⁴³. Исходя из этого вещи нельзя оторвать от земли, тогда как земля не может быть изолирована от неба, с которым ее материалы непрерывно смешиваются. И здесь необходимо прояснить, что антрополог понимает под «небом». По словам Ингольда, занятая объектами и людьми земная поверхность и пустое (за вычетом облаков и птиц) небо могли бы существовать разве что в «симулякре мира, моделируемого во внутреннем пространстве»⁴⁴. Иначе говоря, такой взгляд есть продукт упомянутой выше инверсии. Если исходя из этой логики земля видится «фундаментом», то небо – «сводом» над головой. Тем самым, воспроизводя раскол между материальным миром и мыслью, трактовка земли и неба в терминах взаимоисключающих поверхностей приводит к имматериализации второго. По словам Ингольда, избежать этого эффекта как раз и позволяет рассмотрение земли и неба в качестве неразделимого реляционного поля, сплетаемого линиями движения его обитателей, которые, прокладывая свои тропы сквозь текучий мир, непосредственно сталкиваются с разнообразными атмосферными явлениями:

39 INGOLD T. *The Life of Lines*. P. 33.

40 Иными словами, «дно как бы поднимается на поверхность, не переставая быть дном» (Делёз Ж. *Различие и повторение*. СПб.: Петрополис, 1998. С. 45). Ингольд напрямую обращается к этой идее Делёза.

41 См.: SHAVIRO S. *The Universe of Things: On Speculative Realism*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2014. P. 36.

42 См.: «Многие реальные объекты могут быть обречены на вечный сон» (HARMAN G. *Zero-Person and the Psyche*. P. 282).

43 Ингольд Т. *Родословная, поколение, субстанция, память, земля* // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 95.

44 INGOLD T. *Earth, Sky, Wind and Weather* // IDEM. *Being Alive...* P. 115.

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ

НИ СЕТИ, НИ АССАМБЛЯЖИ:
ОДУШЕВЛЯЯ ВЕЩИ
С ТИМОМ ИНГОЛЬДОМ

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ

НИ СЕТИ, НИ АССАМБЛЯЖИ:
ОДУШЕВЛЯ ВЕЩИ
С ТИМОМ ИНГОЛЬДОМ

«Для них обитаемый мир задан прежде всего воздушными потоками погоды, а не заземленными постоянствами ландшафта. Погода динамична, она постоянно развивается, непрерывно меняется ход ее событий. [...] В этом мире земля, далекая от того, чтобы служить прочным экзистенциальным фундаментом, кажется плывущей, подобно хрупкому и эфемерному плоту, сотканному из нитей земной жизни и подвешенному в огромной сфере неба»⁴⁵.

В этом смысле небо не что иное, как среда воздуха, которая играет фундаментальную роль в *мире без объектов*. Воздух необходим организмам для дыхания, при этом вдох и выдох также могут быть описаны в терминах соответствий, переплетений и узлов. С этой перспективы дыхание предстает чем-то вроде завязываемого в воздухе узла, который позволяет одним сущим сплетаться с другими в той «близости, что отрицается объектно-ориентированной онтологией», тогда как в безобъектном мире «дыхание есть способ, с помощью которого сущие могут иметь прямой доступ друг к другу изнутри, в то же время выплескиваясь в космос»⁴⁶. Исследование воздуха и дыхания, ветра и погоды позволяет Ингольду наметить контуры специфической неэциентистской метеорологии, в фокусе которой пребывает не климат, а атмосфера, понятая как слияние аффективного с космическим. Это слияние, или открытость миру-в-становлении, как раз и выступает основополагающей характеристикой анимистической онтологии.

Конвенционально анимизм определяется как вера в то, что все во вселенной обладает душой, или, как утверждает Дэвид Скрбина, «у объектов есть “духи” – например, “дух дерева”, обитающий в дубе, или “дух воды”, обитающий в озере»⁴⁷. Несложно заметить, что это определение целиком и полностью основано на логике инверсии, исходя из чего мы имеем объект (контейнер) и душу (содержимое). Отсюда и вытекает вывод Скрбины о том, что анимизм характеризуется дуалистической и антропоцентрической природой. Так ли это? В широко известной структуралистской интерпретации анимизма Филипп Дескола определяет его через сходство внутренних миров и различие физических свойств; иными словами, нечеловеческие существа здесь наделяются душой, схожей с человеческой, тогда как дифференцирующая роль отводится телу, и, таким образом, через «игру идентичности и различия, связанную с атрибутами души и тела», в онтологии анимизма утверждается принцип антропоморфной духовности, выступающий залогом межвидового общения. В этом смысле анимизм харак-

45 ИДЕМ. *Rethinking the Animate, Reanimating Thought*. P. 73–74.

46 ИДЕМ. *The Life of Lines*. P. 66–67.

47 СКРБИНА D. *Panpsychism in the West*. Cambridge; London: The MIT Press, 2005. P. 19.

теризуется не антропоцентризмом, но антропоморфизмом; а дуализм до некоторой степени смягчается структуралистской комбинаторикой⁴⁸. Таким образом, здесь подрывается оппозиция между живым и неживым, но все еще сохраняется разграничение между внутренним и внешним. Ингольд развивает альтернативный вариант анимистической онтологии, где жизнь имманентна процессу непрерывного возникновения мира, а значит, одушевленность является не человеческим свойством, проецируемым на пассивные вещи при помощи воображения, как и не результатом внедрения агентности в материальность, а представляет собой не что иное, как динамический трансформативный потенциал реляционного поля, внутри которого сущие «взаимно порождают друг друга»⁴⁹. Как неоднократно повторяет Ингольд, это поле задано вовсе не точками и соединителями, а спутанными линиями, формирующими «архитектуру» мира. Иными словами, речь идет не о сети (*network*), а о сплетении (*meshwork*). Если в случае сети мы имеем дело с вещами и отношениями, то в сплетении логика пунктирного соединения замещается прокладыванием линий движения сквозь зарождающийся мир, а значит, различие между вещью и отношением подрывается, поскольку так понятия вещи и *есть* отношения⁵⁰. В этом свете критика Ингольдом сетей и ассамбляжей становится вполне прозрачной. Вспомним, что концепт ассамбляжа призван обозначить целостность, которая характеризуется отношениями экстерности; иначе говоря, в этом типе связи компоненты наделены относительной автономией от целого, которое возникает в результате их взаимодействия, а значит, «составная часть ассамбляжа может быть отделена и помещена в другой ассамбляж»⁵¹. Иными словами, ассамбляж представляет собой замкнутый на себя и отделимый от других *строительный блок*. И если Харман называет эту теорию «одной из самых прозрачных и амбициозных философий нашего времени»⁵², то причины этой похвалы также вполне прозрачны, ведь *lego*-делёзианство Деланды является оптимальной кандидатурой для упаковки в объектно-ориентированный реализм. Что же касается Латура, то его философия есть теория акторов и соединений, или связей между единицами в *цепи*⁵³. В обо-

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ

НИ СЕТИ, НИ АССАМБЛЯЖИ:
ОДУШЕВЛЯЯ ВЕЩИ
С ТИМОМ ИНГОЛЬДОМ

48 Дескола Ф. *По ту сторону природы и культуры*. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 171–189.

49 См.: INGOLD T. *Rethinking the Animate, Reanimating Thought*. P. 68. См. также полемику с Десколом по вопросу об анимизме и натурализме: IDEM. *A Circumpolar Night's Dream // IDEM. The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill*. London; New York: Routledge, 2000. P. 106–108.

50 IDEM. *Rethinking the Animate, Reanimating Thought*. P. 70; IDEM. *Lines: A Brief History*. P. 73–75.

51 ДЕЛАНДА М. *Новая философия общества: теория ассамбляжей и социальная сложность*. Пермь: Hyle Press, 2018. С. 20.

52 ХАРМАН Г. *Сети и ассамбляжи...* С. 9.

53 Ярким примером такой логики связывания и организации может послужить недавняя идея составления земного инвентаря, где сама Земля якобы должна быть модифицирована в некое подобие склада, под завязку забитого неуживчивыми вещами, которые призывают «высказаться», дабы снабдить их ярлыком

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ

НИ СЕТИ, НИ АССАМБЛЯЖИ:
ОДУШЕВЛЯ ВЕЩИ
С ТИМОМ ИНГОЛЬДОМ

их случаях заявляет о себе логика конъюнкции «атомарных» компонентов. Бесполезно искать здесь ту открытость миру-в-становлении, что, по Ингольду, характерна для анимизма. В этом смысле «паучья» аббревиатура⁵⁴, противопоставляемая латурианской позиции в полемическом эссе о социальной теории членистоногих, есть формула анимистического восприятия мира: практика взаимодействия с ним и вправду включает в себя воплощенную в развитии отзывчивость. Может быть, эта отзывчивость, или вовлеченность в потоки космоса, и не порождает теорий всего⁵⁵, но позволяет пересечь границу внутреннего мира.

«неидентитарной идентичности». См.: ЛАТУР Б. *Где приземлиться? Опыт политической ориентации*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. Этот упорствующий парламентаризм вещей является лучшим свидетельством того, что нищета современной экологии кроется в богатстве ее соединений.

54 SPIDER – Skilled Practice Involves Developmentally Embodied Resposiveness, то есть «умелая практика включает в себя воплощенную в развитии отзывчивость» (INGOLD T. *When ANT Meets SPIDER: Social Theory for Arthropods* // ИДЕМ. *Being Alive...* P. 94).

55 См.: ХАРМАН Г. *Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего»*. М.: Ad Marginem, 2021.